

- Хорижий адабиётларнинг қисқача шарҳи ■
- Digest of foreign literature ■

Н. Рахматуллаева, А. Мирзалиев

Тома Гомар*: «Концентрация и
рассеивание: светлое будущее силы».
**Thomas Gomart. Entre concentration et
dispersion: le bel avenir de la puissance.**
Politique étrangère, n°1, 2019, p.11-21.

Первый номер журнала *Politique étrangère* за 2019 год приурочен к сорокалетнему юбилею IFRI и посвящен теме «2019-2029: каким будет мир через 10 лет». Номер содержит ряд прогностических статей, обсуждающих такие актуальные вопросы мировой повестки, как будущее монетарной системы, бедность и неравенство, энергоресурсы, характер войн и конфликтов современности, демографический взрыв и другие. В своей статье видный французский эксперт по международным отношениям Тома Гомар также делится своим видением развития международной обстановки в ближайшие десять лет.

Автор отмечает, что понятие силы является объектом многочисленных работ в сфере международных отношений. В ближайшем десятилетии эволюция силы в мировой политике будет характеризоваться динамикой концентрирования и рассеивания. С одной стороны, мировой порядок будет ознаменован противостоянием двух сверхдержав: США и Китая. С другой стороны, потенциал индивидуальных действий умно-

Рахматуллаева Н., докторант УМЭД, специалист Центра международных экономических и политических исследований,

Мирзалиев А., главный научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований.

* *Тома Гомар, Директор Французского института международных отношений (IFRI).*

жится благодаря информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ).

Автор подчеркивает, что, несомненно, следует различать силу, которая подразумевает накопление средств, и применение силы, что требует соответствующую волю. Первое развивается, повышает свою значимость или обесценивается со временем, в то время как второе неизбежно сталкивается с порядком вещей и в силу этого подвергается конъюнктурному давлению. И сила, и применение силы могут быть осмыслены лишь с учетом различных этапов конкретного времени, так как сверхдержавы не рождаются. Чтобы стать сверхдержавой, страна должна располагать набором ресурсов (человеческих, духовных и ма-

В ближайшем десятилетии эволюция силы в мировой политике будет характеризоваться динамикой концентрирования и рассеивания.

териальных) и эффективно использовать их в осуществлении проекта, который может меняться не только под воздействием внутренних и внешних сил, но и особенно в зависимости от направленности, намерения, заложенного в данный проект. Совокупность предположительно реализуемых перепланировок составляет потенциал. Такой подход позволяет определить силу как «сочетание потенциала и перехода к действию».

Анализ международной среды напоминает, что «факторы силы различаются из века в век». Например, обозрение *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*, представленное в октябре 2017 года Э.Макрону, подчеркивает возобновление военного соперничества: «Иерархия мировой власти сегодня быстро эволюционирует. Неопределенность, обеспокоенность или, напротив, новые амбиции, генерируемые этой зыбкой ситуацией, являются сами по себе факторами риска. Изначально экономическое и технологическое соперничество все больше и больше распространяется и на военную сферу». Автор отмечает, что вышеуказанная точка зрения вновь появляется в обозрении, чтобы напомнить нам часто забываемую очевидность: противоположность экономического и дипломатико-стратегического поведения страны. Первое преследует относительно ограниченную цель, в то время как второе развертывается «в тени войны». Различать их для того, чтобы лучше сочетать их, – в этом и состоит мастерство политика.

Автор полагает, что в ближайшие десять лет любые размышления о силе и мощи будут поднимать вопрос об иерархии. В начале 1980-х Фернан Бродель (1902-1985) констатировал следующее: «Капитализм нуждается в иерархии», но «капитализм не создает иерархии, он их использует». Очень полезная констатация, если считать, что она и дальше

будет управлять экономическими взаимосвязями. Это размышление о силе зависит от предположения, допущенного в ходе надвигающейся глобализации, и подразумевает, что соперничество между странами является, среди прочих, фактором, ориентирующим страны. Является ли это принципиальным? Возможно, нет, если учитывать ущерб экологии, наносимый действующим потребительским поведением.

В политическом плане речь идет о рассмотрении последствий возможного изменения на вершине мировой иерархии. Восхождение Китая, а также реакция США на это является главным вызовом в мировой политике в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. В теоретическом плане: не являемся ли мы свидетелями рассеивания силы или, напротив, ее концентрации? Вопрос заслуживает, чтобы быть заданным ввиду быстрого распространения информационно-коммуникационных технологий в глобальном масштабе. *Empowerment*, то есть усиление благодаря ИКТ возможностей индивидуального действия, характеризует минувшее десятилетие. Стремительное распространение ИКТ обязывает нас пересмотреть иерархии, так как они несколько не собираются исчезать. Распространение ИКТ также сопровождается сильной концентрацией власти ввиду той роли, которую играет ограниченное число цифровых платформ. Рассмотренный двойной подход (политический и теоретический) позволяет проследить реальную динамику, которая обязательно приведет к резким трениям и создаст серьезные препятствия существующему порядку. Более того, он дает возможность отследить интенсивное состязание в технологической и научной сферах, от которого зависят экономическое господство и военное превосходство.

Китай на вершине мировой иерархии? Даже если трудно точно оценить соответствующие позиции Китая и США по отношению к друг другу, ясно то, что они будут доминировать в мировой политике, несмотря на другие державы, как Индия, восходящие в мировой иерархии. При этом нельзя исключать возможность того, что в последующие два десятилетия Китай достигнет вершины мировой иерархии. Если это произойдет, то это будет глубоко парадоксальным: КНР, т.е. государство-партия, будет господствовать над мировой капиталистической системой.

В этой связи автор предлагает рассмотреть две гипотезы. Первая гипотеза подразумевает трансформацию китайского режима, который постепенно приспособится к требованиям капитализма. В действительности эта гипотеза подпитывается мифом конвергенции, усилившимся с вступлением Китая в ВТО (2001 г.), что позволило поверить в постепенное политическое открытие Китая. В последующее десятилетие этот

миф столкнулся с финансовым кризисом 2008 года, который позволил Китаю открыто заявить о своих международных амбициях и привел к идеологическому ужесточению, навязанному Си Цзиньпином. Высшие круги в Вашингтоне сегодня не делают ставку на возможное приближение позиций Китая и США, вопреки важности экономического обмена между двумя странами. Взамен рассматривается вариант акцента на разлад во внутренней политике. «Подверженная амнезии супердержава», в которой невозможно прикоснуться к покровительствующему изображению Мао Цзедуна или упомянуть о резне на Тяньаньмынь в июне 1989 года, сможет ли Китай построить свое будущее на обязательном игнорировании своего недавнего прошлого? Автор отвечает, что никто не застрахован от жестокого возвращения изгнанного.

Вторая гипотеза состоит в том, чтобы рассматривать то, как ленинский режим будет господствовать над мировым капитализмом, при этом допуская прочность настоящего режима. Ирония истории? Не совсем с учетом того, как Коммунистической партии Китая (вдохновленная советской, не будем забывать) удалось с 1949 года установить «новое авторитарное равновесие», которое могло бы позволить ей продержаться у власти долгое время. Амнезия Тяньаньмыня маскируется сверхпамятью о распаде СССР, причины которого китайские руководители тонко проанализировали, чтобы избежать воспроизведения аналогичной ситуации в Китае. Начиная с 1991 года критика М.Горбачева как «предателя социализма» является постоянной. В декабре 2012 года в своей речи, распространенной между всеми членами партии, Си Цзиньпин объяснял дезинтеграцию СССР отказом от социалистических «идеалов и взглядов», отрицанием как Ленина, так и Сталина и деполитизацией армии: «В итоге Горбачев сообщил о ликвидации простой декларацией. Большая партия исчезла таким образом. Пропорционально у КПСС было больше членов, чем у нас. Но никто из них не был достаточно человеком, чтобы встать и воспротивиться». Эти слова дают понять, что Коммунистическая партия Китая (КПК) считает себя в праве руководить государством вечно, в той степени, в какой она стремится представлять китайский народ.

С этой точки зрения автор ставит вопрос о том, у чего есть будущее: у капитализма или у социализма, или даже у синтеза обоих? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, господство Китая в мировой иерархии будет господством КПК, то есть обширного секретного сообщества в мире (80 млн членов), действующего согласно своим собственным правилам и нормам и передающего во внешний мир только ту информацию, которая способствует легитимации его власти. *A priori* такая организация, концентрирующая в себе столько мощи, будет не-

совместима с динамикой капитализма, который требует открытости, считает автор.

В течение последнего десятилетия Китай усилил свой потенциал, чтобы реализовать свою стратегию, и вероятно, если не произойдет какое-либо значительное чрезвычайное происшествие, он сможет продолжить развивать свой потенциал и в ближайшее десятилетие. То, что сегодня представляется наиболее трудным оценить, так это результаты стратегии администрации Трампа. Переживший исторические периоды сильного разлада, Китай разрабатывает *Grand Strategy* на несколько десятилетий вперед, вплоть до 2049 года. Из всех великих держав Китай является той страной, которая практически не меняла свою идеологию в период холодной войны и после холодной войны. Если допустить, что потенциал Китая и дальше будет усиливаться, то необходимо также идентифицировать и возможные случаи перехода к действиям, что позволит Китаю применять силу одновременно для проявления инициативы и для принуждения. На горизонте десяти лет, Тайвань может стать испытанием воли в китайско-американских отношениях.

Нет сомнений, что борьба за мировое господство сегодня разворачивается в цифровом пространстве.

Шахматная доска и ткань. Автор утверждает, что если концентрация силы наблюдается в межгосударственной игре, ее рассеивание заметно в индивидуальном и коллективном плане внутри обществ. Концентрация силы часто представляется шахматной доской, где каждая часть расположена в иерархии, соблюдая конкретные правила игры. Рассеивание же представляется тканью с бесконечными узлами, где каждый актер располагает некоторой властью в зависимости от его соединения к сети или сетям. С этой точки зрения понятие сетевой власти (*network power*) заслуживает внимания, так как отныне она располагается в центре мощи. Сетевая власть основывается на следующей диалектике: стандарты приобретают ценность по мере того, как растущее количество людей их использует. Но это в конечном счете приводит к уничтожению альтернатив, которые обеспечивали бы свободу выбора.

В отличие от Китая, США постоянно поощряли рассеивание власти, продвигая особенно амбициозную цифровую дипломатию. Значение, которое администрация Обамы придавала цифровой дипломатии, берет свои корни в понятии *smart power*. *Smart power* изначально была предназначена восстановить моральный авторитет, утраченный в годы правления Буша вследствие военного вмешательства в Ирак. Она основывается на принципе связанности, согласно которому центральность актора напрямую следует из его способности генерировать соединения,

и таким образом осуществлять влияние, чтобы навязать свою повестку дня. Для Вашингтона это означало позиционировать себя как информационный хаб, не только способный формировать мировое общественное мнение, но и, главным образом, делящий общественное мнение на сегменты в зависимости от преследуемых целей. С тех пор американская цифровая дипломатия стремится сопровождать усилия демократизации во всем мире и в силу этого сделала свободу Интернета своим приоритетным направлением.

В мае 2009 года в то время государственный секретарь Хиллари Клинтон представила программу *21st Century Statecraft*, в которой настаивала на необходимости установить прямую связь государства с индивидом и индивида с государством. Десять лет спустя эта амбиция кажется далекой от реализации под двойным влиянием дела Сноудена и избрания Дональда Трампа. Благодаря делу Сноудена была обнаружена часть программ массового наблюдения, осуществленных Агентством национальной безопасности (АНБ) в тесном сотрудничестве с американскими цифровыми гигантами, и это было главным разоблачением Сноудена в глазах широкой публики. Это сплетение государственных и частных средств продолжает напрямую служить интересам США: они добились беспрецедентной концентрации мировой власти, которая позволяет им управлять империализмом взаимопроникновения. Сегодня только Китай, кажется, располагает волей и средствами, чтобы противостоять этому, и нет сомнений, что борьба за мировое господство сегодня разворачивается в цифровом пространстве.